

Глава 4

ВО МНОЖЕСТВЕ ЕДИНЫ

июль – декабрь 1942 г.

В июне 1942 года к Храпко прибыли связные из Минского подпольного обкома партии с письмом от Козлова, первого секретаря. Командира отряда приглашали в обком на беседу.

Храпко выехал из отряда в

сопровождении трёх разведчиков. Проехали через Затишье, пересекли Птичь. Далее – по партизанской зоне Любанского района, и там, что ни деревня, так партизанская комендатура, застава, заслон или дозорные посты.

На окраине деревни Коммуна БВО¹ остановил пост. Спешились.

В хате сам первый секретарь и два члена обкома – Иосиф Бельский и Роман Мачульский.

По донесениям Павловского у Козлова уже сложилось мнение об отряде Храпко, как о боевитом отряде. Отряд не придерживается тактики «ты нас не трожь – мы тебя тожь», а активно ищет, находит и уничтожает врага. А ведь было немало отрядов, что отсиживались в лесах – и это неизбежно вносило в ряды их бойцов элементы морального разложения, и, соответственно, пользы от таких «народных мстителей» было мало.

Храпко доложил: *«На данный момент в отряде 130 человек, из них коммунистов – 23, комсомольцев – 27.»*

¹ БВО – Белорусский военный округ.

Отряд состоит из шести взводов: одного взвода разведки, четырёх линейных и одного хозяйственного. На вооружении: 3 станковых и 4 ручных пулемёта, 110 винтовок». А отчёт о боевой деятельности отряда закончит тем, что уж очень наболело:

– Отряд мог бы действовать ещё более успешно, если бы помогли оружием, взрывчаткой, боеприпасами. Потому и берём только тех, кто приходит к нам с оружием.

– Хороший отряд! Хорошо бьёте врага! Вот только то, что вы берёте людей только с оружием – это перегиб! – пожурил Козлов командира отряда на прощание. – Принимать надо всех желающих, разумеется, после тщательной проверки. Учтите: важна ещё и массовость партизанского движения.

«ПАРТИЗАНСКОЕ СОЕДИНЕНИЕ»

Козлов сообщил Храпко, что при Ставке Верховного Главнокомандующего недавно сформирован *Центральный штаб партизанского движения*. По решению этого штаба создано *Минское партизанское соединение*. Он, Козлов, назначен командиром этого соединения. И отныне все отряды, в том числе и отряд Храпко, действующие на территории Минской области, должны подчиняться штабу соединения.

И очень обрадовала Храпко новость, что в партизанской зоне Любанского района на болотном острове Зыслов ведётся строительство *партизанского аэродрома*, и скоро туда начнут прилетать самолеты с Большой Земли – с грузами и почтой, а обратно они будут вывозить раненых и больных партизан и подпольщиков.

Договорились о координации действий отряда Храпко с другими отрядами Минской области, об организации новых отрядов на базе действующих, об усилении разведки немецкого гарнизона в Бобруйске.

Итак, прощай, самостоятельность! Отныне над Храпко была иерархия инстанций. Теперь придется учитывать не только свои, местные, интересы, но и руководствоваться более высокими интересами – всей области, республики и страны. В известной степени это ограничивало инициативу отряда, но в то же время и предоставляло больше гарантий безопасности, ибо можно будет рассчитывать на помощь соседних отрядов и централизованную доставку оружия и боеприпасов.

ПОДПОЛЬЩИКИ СЛОБОДКИ – В ОТРЯДЕ!

На Слободку опускались летние сумерки. Мария Болбас сидела на лавке, облокотившись на колени и обхватив голову руками. Ей сообщили, что оккупанты вот-вот нагрянут в деревню для облавы: собирают молодежь для угона в Германию. Не теряя времени надо уходить из Слободки.

Брату Максиму Мария поручила оповестить подпольщиков о немедленном уходе к партизанам. Время и место сбора – в двенадцать часов ночи на опушке леса в районе хутора Брожа. Оттуда меньшим риском можно будет добраться до Незнанья, а там – уже партизанская зона.

Сама Мария с сестрой Аней написали от руки несколько листовок: «Парни и девочки! Не дайте угнать себя в фашистское рабство».

Пора. К горлу Марии подкатился комок: нелегко расстаться с матерью. Вот она стоит посреди хаты, старенькая, больная мать. Стоит, печально склонив голову и беспомощно опустив руки. А матери труднее, чем ей. Сейчас она, наверное, думает, что больше не увидит своих детей.

По пути подпольщики прихватили припрятанные в лесу винтовки, гранаты, патроны. К утру были в отряде.

ЗАСАДА НА КОМИССАРОВ

Июльским ранним утром 1942 г. по вызову Минского подпольного обкома партии на подводе выехали комиссар Голодов, парторг Глинский и политрук Дорогавцев. Лошадьми правил Леонид Резников. Сопровождали их конные разведчики отряда Андрей Лазарев и Виктор Пелагейко. Маршрут пролегал через Зеленковичи и Зубаревичи.

Телега въехала в Зеленковичи. Разведчики, сопровождавшие комиссара, проскакали через деревню в сторону Зубаревич – безопасно!

Но только телега с комиссаром и его товарищами поравнялась с кирпичным строением бывшей церкви Зеленкович, как из-за хат появились несколько десятков «добровольцев».

Голодов, Глинский и Дорогавцев ударили из автомата. Резников развернул лошадей, но и позади – «добровольцы»!

Тогда троица бросилась в канаву. Перевели автоматы на одиночные выстрелы, стали прицельно отстреливаться и в считанные минуты уложили девятерых «добровольцев»...

Разведчики Андрей Лазарев и Виктор Пелагейко уже были возле Зубаревич, когда услышали стрельбу позади. Догадались: это немцы или «добровольцы», пропустив их, разведчиков, внезапным нападением пытаются взять в плен комиссара и политруков. Значит, знали загодя, кто и когда будет ехать! А на Голодова они давно вели охоту.

Лазарев стал подкрадываться к месту боя. Пелагейко помчался в лагерь отряда за помощью, однако уже через несколько минут встретил группу бойцов из отряда Шваякова и привёл их к месту боя.

Лазарев, выбрав удобную позицию, бил из автомата по уже отступавшим «добровольцам». А тут и Пелагейко с помощью!

Потеряв ещё четверых человек убитыми, «добровольцы» бежали.

Итак, засада на комиссара Голодова и его двух спутников «добровольцам» обошлась в тринадцать человек. Без единой жертвы у партизан. Этот скоротечный бой в последующем будет для бойцов отряда своего рода классическим образцом ведения боя против засады противника.

А спустя несколько дней в лесу у деревни Чикили бывший пограничник Григорий Носов вместе с товарищами уничтожил группу «добровольцев» и принёс трофеи – аж семь автоматов! Перед строем всего отряда Храпко горячо поблагодарил отважного воина-«окруженца».

КТО ЗДЕСЬ ХОЗЯИН?!

В Зеленковичах состоялась сессия Козловичского сельского Совета. Присутствовали командиры, политработники, бойцы и местные жители, ставшие депутатами ещё до войны, – всего более пятидесяти человек. Сессия продолжалась около трёх часов и носила деловой характер. Одним из решений было открытие партизанских *школ* в двух деревнях «партизанской зоны» – Зеленковичах и Крюковщине. На комиссара Голодова было возложено шефство над школой в Крюковщине. А учительствовать в этой школе будет Антонина Павлова (Гулевич).

Разумеется, основной задачей такого собрания было дать почувствовать простому человеку, что не фашисты, а советская власть является настоящим хозяином на родной земле.

БИТВА ЗА УРОЖАЙ

В Устерхах и в Застенке Устерхи немцы до основания разграбили колхозное добро. Но посевное зерно селянам удалось сохранить, и осенью 1941 они высеяли озимые. (Конечно, меньше, чем до войны. А весной 1942 высеяли яровые – и того меньше.)

Хлеба выросли хорошие. Плотной стеной, колос в колос встала рожь.

Убирать только всё это теперь придётся вручную.

Знойным июльским днём отряд вошел в деревню Устерхи. На общем собрании жителей – в основном это были женщины и старики – выступил командир отряда:

– Дорогие сельчане! – Храпко волновался. – Красная Армия уже освободила Московскую и Тульскую области, ряд районов Калининской, Орловской, Смоленской областей. Сейчас идут ожесточенные бои в Севастополе и под Харьковом... Хлеб всему голова – вы это хорошо знаете. Хлеб нужен вам, нам, партизанам, и Красной Армии, которая скоро придёт сюда. Но хлеба хотят и немцы, и полицай; они готовятся прийти за ним, отобрать его у вас. Так вот, мы, партизаны, пришли помочь вам собрать урожай. А чтобы немцы и полицай нам не помешали, мы устроили на всех дорогах, ведущих к Устерхам, засады.

Председателем партизанского колхоза сельчане избрали Фёдора Афанасьевича Сулиму, и тот назначил бригадиров.

Ответственный за уборку урожая от отряда – командир отделения Иван Игнатьевич Баглай. До войны он здесь, в Устерхах, проживал и был очень уважаемым человеком.

Жители организовали партизанам обед, а затем вместе стали готовиться к выходу в поле. Порешили: работать и днём, и ночью.

В километре от деревни Устерхи, сразу за рекой Лиса, стоит деревня Застенок Устерхи. Застенок удобен в тактическом отношении: к нему с трёх сторон вплотную подходит лес. Туда, в Застенок, отправился взвод Василия Инюточкина, чтобы и там организовать уборку урожая. Леонтий Романович Храпко – тамошний председатель колхоза «Заря Коммуны» – уже поджидал партизан.

Ночь была лунной, тихой. Лишь изредка взлетал ветерок и легкий шорох пробегал по колхозной ниве.

Бойцы, с закинутыми за спину винтовками и автоматами, косили. За ними шли женщины-вязальщицы снопов. Кто-то из женщин затынул:

*Позарастали стёжки-дорожки,
Где проходили милого ножки...*

Старики и подростки на телегах отвозили снопы на ток. И только под утро перед приходом смены собрались отдохнуть – усталость брала своё.

Над головой большое, жаркое солнце. Косари, спасаясь от жары, опрокидывают на себя кувшины с холодной водой, привезенной в бочке мальчишками.

Примерно в два часа дня раздались тревожные возгласы:
«Воздух!.. Воздух!»

Со стороны Бобруйска на небольшой высоте приближалась «рама», фашистский самолет-разведчик.

«Ло-о-жи-ист!»

Самолет вначале завис над Устерхами, а затем облетел поля вблизи Крюковщины, Застенка, Козлович, Круглониво, Чикилей и скрылся из виду.

– Ну, теперь начнётся, – тревожным голосом сказал Дмитрий Раков. – Этот коршун не зря вынюхивал...

У людей таилась тревога: а вдруг нагрянут бомбардировщики, а вслед за ними каратели? Тогда запылают деревни, и снова – похороны родных и близких...

На вечерней заре со стороны Застенка застучал пулемёт «максим». Стук этот, раздирающе пронзительный, протянулся сквозь лес, вылетел в поле, а затем нарастающим эхом докатился до Устерхов.

Стук пулемёта подхватили винтовки и автоматы.

«В Застенке немцы! – Беспокойство охватило командира отряда. – Взвод Инюточкина вступил в бой, а бойцов там мало – их могут быстро окружить».

Храпко бросил большую группу бойцов из Устерхов к Застенку. И очень кстати, ибо в этот же момент Инюточкин поднял своих бойцов в атаку. Немцы не ожидали столь дерзкой атаки, да еще с двух сторон – и оставили свои позиции.

Сейчас не до урожая, и после боя весь отряд собрался в Устерхах.

Высланная разведка поздней ночью сообщила: немцы и полицаи остановились в Балашевичах, и только что к ним прибыло подкрепление из Глуска.

Храпко размышлял: надо что-то предпринимать, но что?

– Что будем делать, комиссар?

– Устерхи нельзя покидать, – как будто угадав мысли самого Храпко, сказал Голодов, – иначе фашисты учинят расправу над жителями. Займем круговую оборону – и будем стоять!

– Думаю, Василий Емельянович прав, – поддержал комиссара Сыроквашин. – На окраине села сектор обстрела обширный. Зароемся в землю и организуем стойкую оборону.

Тут же партизаны приступили к отрывке окопов, сельчане – помогать им. Пулемётные гнёзда тщательно замаскировали.

Утром, как только солнце выползло из-за горизонта, со стороны Балашевичей донеслись выстрелы.

Партизаны немедленно заняли свои позиции.

На дороге показались мчавшиеся галопом конники. Это партизаны. Но – чьи?..

Вихрем влетев в село, всадники спешили – разведка отряда Шваякова. Один из разведчиков подбежал к Храпко.

– Товарищ командир, мы были на шляху Глуск-Козловичи и напоролись на колонну немцев, которая шла со стороны Балашевич. Слегка «переплюнули» с ними, а затем, оторвавшись, залегли и стали следить. Пошли они в Застенок. Там, мы знаем, сейчас никого нет: все ушли в лес. Вот мы и примчались сообщить вам обстановку.

– Спасибо, хлопцы. А сколько их там?

– Точно не могу сказать, но более батальона будет.

– Да-а, – тяжело вздохнул Храпко. – Одни мы недолго продержимся. Так, хлопцы! Скачите в свой отряд, передайте Шваякову мою просьбу: ударить немцам в тыл, как только они ввязнут в бой с нами...

Цепь за цепью шли со стороны Застенка на деревню Устерхи немцы. Шли в полный рост, положив обнаженные по локоть руки на серые автоматы. Их вёл с парабеллумом в вытянутой руке офицер, в новом мундире с железным крестом.

– Ну и гусь, – прогудел Макар Дыба, не отрывая взгляда от офицера. – Шагает, как на параде.

– Ого! Да откуда их столько? – вырвалось у Василия Порошина.

– Не так страшен чёрт, как его малюют, – оборвал его Шпрыгов. – По фрицам огонь!

Партизаны открыли огонь с дальней дистанции. В первой цепи «споткнулись» и упали несколько солдат, следующие цепи заколыхались, но продолжали идти. И вот уже, выкрикивая «хох!», немцы бросились в атаку.

В бой вступили партизанские пулемёты – и вторая и третья цепи сильно поределли. Но идут! Точно – «психическая атака».

Уже отчетливо видны лица солдат.

Пулемётчик Арон Хархурин вдруг узнал офицера: да это же он расстреливал из парабеллума евреев Бобруйска.

«А-а-а! Гадина, получай!» – орал, что есть сил, Арон и посылал очередь за очередью.

Офицер и шедшие рядом три солдата упали, образовав груды из тел.

Наконец, атака противника захлебнулась – он залёг, стал окапываться.

Скоро на окопы партизан обрушился бешеный огонь.

Где перебежками, где ползком Сыроквашин пробирался от взвода к взводу и, стараясь казаться спокойным, приговаривал:

– Ребята, не нервничать! Спокойно! Ведите прицельную стрельбу. Не давайте им подняться, не подпускайте близко к себе. А вы, боевые подруги (Мария Масюк, Мария Болбас), не поднимайте высоко головы, а то мне не с кем будет танцевать кадрили...

Гитлеровцы, пошли в новую атаку. Но она, как и предыдущая, захлебнулась под огнём партизан. И снова немцы стали окапываться.

На какое-то время наступила тишина. Лишь слышен гор-танный говор окапывающихся солдат.

Неожиданно в эту тишину до партизанского слуха донесся шум машин. «Неужели танки?».

Вскоре со стороны Застенка показались два грузовика, крытые брезентом. Машины остановились, с них спрыгнули несколько немцев в медицинских халатах, рассыпались по полю. Это санитары подбирали раненых и убитых, грузили на машины.

«Ну, кажись, пронесло! – не танки».

Доложили Храпко о потерях: осколками мин убиты Константин Акимочкин, Никифор Болбас и Александр Цыганков.

Но вот цепи немцев вновь поднялись, и, раздвигаясь влево и вправо, пошли в атаку вогнутой дугой.

– Тьфу! – сплюнул Володя Кожич. – Как крысы расплозились.

– А ты не тьфукай, а смотри: они хотят взять нас в кольцо, обойдя на флангах, – стал поучать парня Пётр Востриков.

Стена огня встала на пути атакующих и кое-где смяла их, рассеяла. Но под прикрытием миномётного огня им удалось ещё больше приблизиться к партизанским позициям.

Востриков вылез из окопа, на самой бровке привстал на колено и застрочил из пулемёта. Тут же его поддержал пулемёт Татура.

– Давай, Коля! – успел возрадоваться Востриков, ибо тут же выронил пулемёт из рук, ничком упал на бруствер.

К замолкнувшему пулемёту подполз Павел Сталина, и пулемёт снова заговорил.

Медсестра Дора Шпаковская выбралась из своего окопчика и, усиленно работая локтями и коленями, поползла к раненому Вострикову. Шмелями жужжали пули – и так хотелось прижаться к земле, полежать, переждать...

Дора стаскивает Вострикова в окоп, перевязывает.

А наверху Сталина продолжает вести огонь. Вражеские пули всё чаще жужжат рядом с пулёмчиком.

– Ты что там, Павел, голову свою им подставляешь? – выкрикнула из окопа Дора. – А ну, сигай вниз!

Сталина, пятясь, сползает в окоп, быстро прилаживается и снова строчит...

В окоп, где находились Садовский и Калибердин, вонзилась, ухнув, мина – и... не взорвалась. Перекрестились бойцы.

Упорство, с каким гитлеровцы, шли в атаки, свидетельствовало, что они, уяснив, что им противостоит небольшой отряд партизан, стараются как можно быстрее реализовать своё численное преимущество.

Уже какая-то сотня метров разделяет стороны.

Сквозь трескотню пулемётов и автоматов бойцы слышали голос командира отряда:

– Держитесь, хлопцы! Гранаты!..

Партизаны приготовили гранаты...

Глухо раздался артиллерийский выстрел со стороны Крюковщины. На предпольи взметнулся столб земли.

Второй снаряд накрыл вражеский миномет и как бы в поддержку этому спасительному взрыву застучали автоматы, пулемёты и винтовки – это вступил в бой отряд Шваякова.

– Спасибо, Устин Никитич! – прокричал громко Храпко, будто тот мог его слышать.

Но что это? Вдруг немцы бросились назад – к Застенку. Для Храпко, Голодова и Сыроквашина этот «маневр» противника был непонятен. Всё прояснилось, как только они раздалось лязганье гусениц, рёв двигателя и треск пулемёта. Да ведь это мчитесь их «партизанский танк» – танкетка. Вот только такой команды – идти к месту боя – они «танкистам» не давали, ибо знали, что у машины много неисправностей.

...Ещё весной партизаны нашли в лесу два неисправных артиллерийских тягача «Комсомолец» (их часто называли танкетками) с пулемётным вооружением. «Окруженец» лейтенант-танкист Андрей Гузов взялся восстановить их. Для ремонта ему в помощь выделили Мисьева, Перельгина и Кирдуна. Парни обшарили окрестные кузницы, опустевшие МТС и, раздобыв кой-какой слесарный инструмент, приступили к работе. И как раз сегодня они оживили одну танкетку, и было приступили ко второй машине, как вдруг услышали вначале негромкий стук пулемётов, потом разрывы мин и снарядов. Было понятно: отряд ведёт бой. Не теряя ни минуты, Гузов оставил Мисьева и Кирдуна продолжать работу, а сам с Перельгиным сел в уже отлаженную танкетку и двинулся на помощь отряду. Танкетка приблизилась к противнику с левого фланга. Гузов круто развернул машину и бросил её вперед. Перельгин вел непрерывный пулемётный огонь...

Как только гитлеровцы кинулись наутёк, Голодов выскочил на бруствер: «Вперед! Ура-а-а!»

Бойцы стали преследовать отступающего врага.

«Только бы не отстать. Не дать им оторваться и в Застенке прикриться отсекающим огнем».

– Скорей, хлопцы, скорей! – торопил командир.

Первой в Застенок ворвалась танкетка, за ней партизаны, все в поту, дыхание разгоряченное, частое.

– Быстро занимайте позиции, хлопцы! – кричит Сыроквашин. – Они могут вновь попытаться атаковать.

Но немцы больше не предпринимали атак. Командир карательной экспедиции отвёл своих «орлов» в Глуск. Впоследствии они оправдывались так: «К нам в тыл заброшено подразделение Красной Армии – с танками и пушками и живой силой в два батальона».

Спустя два дня из Глуска Валентина Оторина, связная отряда, сообщила, что по неточным данным в результате шестичасового боя только убитыми немцы потеряли 68 солдат и офицеров.

Еще несколько суток потрудились день и ночь бойцы отряда и сельчане, а затем, закончив жатву, устроили праздник урожая, с песнями и танцами.

В битве за урожай победили партизаны.

Вечером партизаны распрощались с жителями, двинулись в лесной лагерь.

Храпко – Сыроквашину:

– Сергей Васильевич, там у нас еще одна танкетка завалась. Ты видишь, что это за машина! Давай-ка, отремонтируем и вторую. А вдруг, случись беда, помогут крепко.

– Николай Борисович, любите же вы технику! То пушечки соберёте, то танкетки. Так и до самолётика дойдете, – рассмеялся Сыроквашин.

– А что, давай и самолётик. Будь у меня кукурузник, каждый день наши хлопцы летали бы в Бобруйск с «подарками». Лётчики в отряде есть!

БЛОКАДА

14 августа 1942 года в два часа ночи оккупанты силами восточных добровольческих батальонов «Днепр», «Березина» и «Двина» подъехали на машинах и поспешно заняли все населенные пункты вокруг Козловичского леса – то есть окружили, блокировали отряды Храпко и Шваякова. Началась операция «Гольфельд» (“Holfeld”)

Ветеран-партизан Иван Макарович Макейчик вспоминал:

«В августе 1942 года каратели ворвались в д. Зубаревичи, зверски избили моих родителей – отца и мать, арестовали их и увезли в райцентр Глуск, где

и расстреляли. Фашисты забрали все наше имущество, а дом и сарай сожгли. Сестре Елене удалось убежать в лес – к партизанам Николая Храпо. Там она и осталась».

Когда огромный диск восходящего солнца верхним краем выкатился из-за горизонта, колонна неприятеля подошла к лесу, развернулась в цепи. Цепи, соблюдая тишину, двинулись к партизанскому лагерю.

– Смотри, – Дедюля, весь дрожа от волнения, толкнул Коломийца.

– Ви-жу... – протянул Коломиец и прижался к пулемёту.

Из леса вышла группа карателей. Остановились на опушке. Офицер, приложив к глазам бинокль, долго осматривал лес вокруг

поляны. Затем подал знак рукой, и каратели пошли через поляну – прямо на партизанский пулемёт.

Первой же очередью Коломиец свалил троих в серо-зеленых мундирах. Еще одного свалил Дедюля из винтовки.

Цепь залегла, открыла ответный огонь. Но пулемётный расчет уже сменил огневую позицию, оттуда пустил три очереди, и стал отползать по-пластунски в глубь леса, чтобы затем побежать к лагерю отряда. Там, в отряде, конечно выстрелы уже услышали, и теперь надо спешить...

Убедившись, что противник потерял их из виду, бойцы вскочили и побежали. Приблизившись к лагерю отряда, услышали и там стрельбу. «Значит, наступают на лагерь сразу с нескольких сторон!»

Выстрелы на удаленных заставах позволили отряду подняться по тревоге и занять огневые позиции, заранее подготовленные на случай окружения отряда. Карателей подпустили поближе...

Лес огласился трескотней пулемётов и автоматов, щёлканьем винтовочных выстрелов.

Каратели остановились в поисках лучшего укрытия. И нащупали фланг отряда, а далее – свободно?! Выслали развед-

группу. Та вышла на поляну. Тихо!.. И тогда пошли всей цепью. Но... напоролись на хорошо замаскированных, до сих пор молчавших, «шваяковцев». Те обрушили плотный огонь на атакующих, разметали их, и тут же сменили позиции.

Ответный шквал автоматного и пулемётного огня карателей минут десять был «слепым», затем они снова нащупали отряд...

Гудел, стонал лес от стрекотни автоматического оружия, от разрывов гранат. Сквозь россыпь выстрелов доносились резкие команды с обеих сторон.

К месту боя подтягивались новые силы карателей, они подходили к очагам боевых действий с трёх сторон, так что пулемётным расчетам Татура, Миронова, Коломийца и Хархурина пришлось вести почти круговой обстрел...

Каратели – на расстоянии гранатного броска. И вот Голодов, Митялин, Сыроквашин, Тасминский, Шуев уже пустили в ход пистолеты. Еще мгновения, и – рукопашный бой. В ход пошли приклады, кинжалы, кулаки. Максим Царик, ухватив карабин за ствол, прикладом молотил то одного, то другого. И, как потом вспоминали бойцы, каждый раз после его «Э-э-х!» по лесу разносились истошный крик и пронзительные вопли искалеченных.

Четверо налетели на Ивана Филимонова, пытаясь захватить его в плен. Боец гранатой подорвал себя и наседавших.

У Шваякова та же обстановка: отряд вступил в рукопашный бой...

Во второй половине дня с востока нахлынули тучи, начался дождь. Каратели оттянулись немного назад.

Отошли и партизаны, и скоро остановились – дальше болото. Чтобы от противника оторваться, надо перейти болото. Срочно нужны проводники. А тут ещё дождь зарядил: льет и льет.

Каратели продолжали подтягивать резервы. Даже на просеках устроили засады. Но активных действий не предпринимали. Ждали. Чего?

Храпко и Шваяков со штабами и командирами подразделений собрались на экстренное совещание.

– Итак, товарищи командиры, – сказал Храпко, – обстановка критическая: немцы блокировали все выходы из леса,

прижали нас к болоту. Их замысел, по-видимому, таков: обстрелять нас из минометов и затем прочесать лес. Полагаю, они это сделают на рассвете. В нашем распоряжении только ночь. Какие будут предложения?

Приняли предложение Сыроквашина: *«Нам надо использовать основное наше преимущество: в этом заболоченном лесу мы хорошо ориентируемся. Итак, остаёмся до ночной темноты на месте, затем незаметно отступим через болото. Срочно нужны проводники!»*

Храпко тут же отправил в разведку своих «старых гвардейцев» – партизан времён гражданской войны Василия Кабановича, Моисея Потапенко² и Терентия Голуба с задачей: отыскать старые проходы-гати в болоте.

Отряд Храпко занял позиции в западной части района, а «швяяковцы», прикрывая его тыл, – в южной.

За час до наступления темноты из разведки вернулась «старая гвардия», доложила: гати, проходы, найдены! Но это вблизи немецких засад, и потому идти придётся в кромешной темноте, соблюдая абсолютную тишину.

В ступившихся сумерках похоронили погибших бойцов, и, соблюдая полную тишину, снялись с позиций, оставив на

месте лишь обоз да группу тылового охранения. Если вражеская разведка доберётся до этих мест, то обоз этот лишь заведёт её в заблуждение о месте нахождения самого отряда. А тыловое охранение наделает шуму и уйдёт вслед за основной группой.

Шли двумя цепочками в удалении друг от друга. Противник почти непрерывно освещает ближайший лес ракетами, но в глубине лесистого болота этот свет лишь создаёт бе-

² Среди бойцов отряда Храпко и жителей партизанской зоны было немало евреев (Абрамович, Болотин, Майдель, Резников, Хархурин, Шпаковская...). Но были и белорусы с библейскими именами Иосиф, Лазарь, Моисей и др. – в некоторых районах Беларуси была одно время мода на такие имена. Моисей Наумович Потапенко – белорус.

гающие тени от елей, сосен и берез, что лишь благоприятствуют людям.

Все более топкой становилась почва, хлопала вода под сапогами. Люди тяжело дышали. Остановка, промедление сейчас смерти подобны. И главное: тишина!

Всё же изредка прорывался придушенный стон раненых. Но шуршавший дождь заглушал эти звуки.

Вот идёт партизанская семья – муж и жена с младенцем на руках. Вот несут на самодельных носилках раненого командира взвода Василия Кучугуру (он был ранен еще до блокады), за носилками командира гуськом идёт и сам взвод – его сейчас ведёт политрук Владимир Дороговцев.

Через некоторое время, убедившись, что передовая группа отрядов отошла на безопасное удаление, покинул свое место и арьергард, тыловое охранение.

К рассвету дождь затих.

Партизаны выбрались на твердую почву. Мокрые, голодные и усталые, они тут же повалились на сырую землю.

Вдруг там, откуда несколько часов назад ушли отряды, прогремели взрывы, застрочили пулемёты – это каратели открыли огонь на уничтожение партизанского обоза.³

Лишившись обоза, отряды потеряли возможность прокормить и передеть людей, и потому единственным решением было идти в «вотчину» Павловского – деревню Затишье.

Жители Затишья измученных, но довольных счастливым исходом блокады, людей приняли радушно: накормили, напоили, уложили отоспаться.

РАЗГРОМ БЕРЕЗОВСКОГО ГАРНИЗОНА

Еще в апреле в отряде стало известно, что в Берёзовке оккупанты сожгли хату отца командира Храпко, расстреляли семьи партизан и связных. И только несколькими семьям удалось скрыться в лесу.

Храпко намеревался разгромить берёзовский гарнизон, но сил одного отряда явно было недостаточно. Запрашивал

³ На другой день газета оккупантов «Новый путь» поспешила известить: «Большевики, засевшие в козловичском лесу, вели бандитскую борьбу против нас. Но доблестные солдаты фюрера разгромили их».

неоднократно разрешение у Павловского, но тот просил по-
временить: есть другие, более срочные, дела.

Зная, что Павловский сдержит обещание, Храпко стал изучать гарнизон, периодически высылая туда своих людей в разведку.⁴ На третий день после прибытия отряда в Затишье, Павловский сам заговорил о Берёзовке:

– Николай Борисович, я не забыл твою давнюю просьбу... Сам то ты помнишь? Не забыл?

– Нет, Федор Илларионович. Помню. Каждый день думаю. Березовка – моя родина. Там мои односельчане – родственники, друзья.

– Так вот, Николай Борисович, завтра пойдешь на Березовку! Переберешься через Птичь, и нанесешь удар с тыла. Тем самым отвлечешь на себя противника. А я придам тебе два своих отряда, они будут наступать в центре и с флангов.

Павловский вынул из планшета карту, развернул.

– Где будешь переправляться?

Птичь голубой полоской извивалась на карте.

– Думаю в этом месте, – показал Храпко точку на три километра ниже Березовки. – Когда будем наступать?

– Завтра на рассвете, сигналом к началу будет выстрел из пушки.

Ночная темень да густой туман надёжно укрывали партизан.

Подошли к месту, где предполагалось перебраться через Птичь. С противоположного берега вернулся из разведки Терентий Хлань, доложил: всё спокойно.

Птичь позади. К Берёзовке подошли, когда стало светать.

У дорог к деревне устроили засады.

Постепенно силуэты разлапистых сосен из черных становились серовато-зелеными, между ними белели берёзы. Предрассветный ветерок рассеял ночной туман. Недалеко слева чуть приметно серели постройки Берёзовки.

От опушки леса до вражеского гарнизона открытая местность, более двухсот метров. Из здания школы – там сейчас казарма – этот участок хорошо просматривается и, конечно, хо-

⁴ И однажды командир послал в разведку своего отца, Бориса Алексеевича. Об этом «визите», чудом получившем благополучный исход, будет рассказано в предпоследней главе.

рошо простреливается. Там около двухсот немцев с полиция-ми, у них развитая система пулемётной обороны.

Последний час перед наступлением тянулся мучительно медленно.

В 4 часа 30 минут выстрел из пушки разорвал тишину. Снаряд угодил в казарму. Сонные немцы стали выскакивать из казармы и тут, разобравшись в обстановке (к казарме шли цепи партизан), стали вскакивать в казарму обратно. Организовали оборону.

Чуть позже со стороны кладбища в деревню ворвалась рота Митялина. На улице завязался бой.

Как только гарнизон обратился лицом к отряду Храпко, сзади по центру и флангам ударили отряды Павловского. Часть сил гарнизона развернулась против них – и ослабила огонь по наступающим с тыла храпковцам.

И тут Храпко осенила догадка, что единственный выход у немцев сейчас – это открыть минометный огонь по его отряду. Так и есть: вон минометчик меняет свою позицию. «Моим хлопцам надо добежать до села раньше, чем он откроет по ним минометный огонь. Иначе – наступление наше сорвётся. Люди погибнут».

Командир кричит об этом своем опасении комиссару. Голодов согласно кивает головой и подает команду: «Бегом! Ура!»

Мины взрываются позади партизанской цепи.

Партизаны ворвались в деревню. Завязались уличные бои с теми, кто засел в дзотах.

В здании школы засела большая группа полицаяев и «добровольцев». Храпко приказал поджечь школу зажигательными пулями и снарядами. «Вот вам за убиенных жителей Березовки!» Там, в здании школы, сорок шесть предателей и сгорели.

Из сплошной стрельба постепенно превратилась в sporadicкую, а затем и вовсе прекратилась.

Из закоулков к партизанам подходили дети, женщины, старики.

Храпко излучал радость: ещё бы, родное село освобождено! К нему подошел сельчанин Анисим Молокович с сыном Леонидом, попросил:

– Николай, прими нас в отряд! Я ведь германцев бил еще в четырнадцатом, дай и теперь побью.

– Беру, отец! Такие, как ты, нам очень нужны.

Возле комиссара Голодова, стоявшего у школы, собралась толпа – женщины, дети, старики.

– Я жена вашего партизана Леонида Резникова – Ольга Резникова. Возьмите в отряд! Кто-то из полицаев-предателей подсказал немцам, что мой муж еврей, и они убили наших детей, а я тогда потеряла сознание и упала рядом с ними.

Нет, в такой ситуации отказать человеку Голодов не мог, сказал:

– Собирайтесь, возьмем!

– Возьмите и меня, – произнесла и тут же покраснела девочка, стоявшая рядом с Голодовым.

– Сколько же тебе лет, вояка? Как звать? Где твои родители?

– Эти Малына, 16 лет. Я еврейка. Моих родителей немцы расстреляли, а меня спасли люди добрые.

– Как же с тобой, Эти, быть? Ростом от горшка два вершка. Ты и винтовку не поднимешь. – У Голодова навернулись слёзы. – Да, да... Тебе надо быть у нас. Вот что, определим тебя в хозяйственный взвод. Ну, иди к нашим девочкам, партизанкам. Я поговорю с командиром.

– Эти, иди сюда, – позвала девочку Мария Масюк, но не выдержала и, забросив винтовку за плечо, сама подбежала, обняла девчужку.

После Березовского гарнизона отряд расправился с гарнизонами в Холопеничах, Косаричах и Катке. И вернулся обратно – за Птичь. Преследовать партизан за рекой ни немцы, ни полицаи не стали: там – «партизанская зона», там из-за каждого куста стреляют! Там – Советская власть!!!

В Катке Храпко нашел свою мать, Дарью Васильевну. Думаю, самое время рассказать о том, что вынесла эта женщина, мать партизанского командира, за последние полгода.

Еще в феврале 1942 г. оккупанты сожгли в Березовке дом и арестовали мать командира «бандитов» Храпко. Сигнали толпу жителей и публично били женщину кнутом, затем, раздетую, привязали к саням и повели по морозу в Глуск. Там она сидела в одиночной камере, и каждый день подвергалась допросам и пыткам. Не отрицала, что сын командир и что помо-

гала партизанам продуктами... Но скоро женщину выпустили, обзав сходить к сыну-командиру и уговорить его сдать весь отряд в плен. За это, мол, ему не только гарантируется жизнь, но и будут возданы определенные почести. Отпустили и стали следить: куда пойдёт, с кем будет встречаться...

Из Берёзовки Дарья Васильевна направилась в Катку – к дочери Паше. И здесь ее арестовали снова, но теперь вместе с дочерью и внучкой. Содержали в Катке в подвале дома, где жил военный комендант. Хозяйка дома, подруга Паши, Антонина Винель, сумела упросить коменданта выпустить женщин с ребенком: мол, они, женщины, не виноваты, что их сыновья и мужа защищают родину... Отпустил. Но за это потребовал несколько сот яиц, масла и сала. А где всё это взять? Антонина Винель обратилась к молодежи Катки за помощью. Деревенские девчата хорошо знали мужа Паши, довоенного гармониста и весельчака, пошли по хатам просить продукты. И выкупили женщин и девочку. Правда, комендант оговорился, что отпускает женщин на время, и заставил целовать ему руки.

Мать знала, была уверена: сын придёт за ней.

И он пришёл...

В отряде собралась вся семья Дарьи Васильевны: муж, Борис Алексеевич, сын Николай и дочери – Папа и Надя. До середины декабря 1943 года они будут вместе. А затем судьба снова разбросает...

*

В отряде состоялись первые награждения. За бои зарекушский, оземлянский и перекальский награждены: комиссар Василий Голодов – орденом Ленина, Василий Инюточкин – орденом Красной Звезды, Александр Шуев и Владимир Дорогавцев – медалью «За отвагу»...⁵

КАЗНИТЬ НЕЛЬЗЯ ПОМИЛОВАТЬ

В известной формуле «казнить нельзя помиловать» командование отряда нашло третий вариант: когда и не казнили, но и не «миловали».

⁵ Имена и названия наград здесь приводятся по сведениям В.А. Дорогавцева. Список этот не полный, были еще награжденные.

Приказ
По 75 Красно-Партизанскому отряду

д. Затишье
От 2.9.42 года

Красно-партизанский отряд боеспособен, сплочен и готов на выполнение любой операции и задачи при условии строжайшей красно-партизанской дисциплины.

Не допустить ни одного случая со стороны красного партизана вступления в пререкание с командиром и политруком.

Каждое приказание командира и политрука выполняется точно, безупречно и в срок.

В трудную минуту не поднимать паники, которая в бою является опаснее врага.

Не допускать шкурничества и мародерства над мирными жителями.

Всякий из вышеперечисленных фактов в отдельности, совершенный красным партизаном в преступной форме, является грубейшим нарушением красно-партизанской дисциплины и подрыва боеспособности отряда.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Медяника Григория за неоднократное невыполнение приказа командиров, за трусость и паникёрство в трудный момент и попытку к бегству из отряда **РАССТРЕЛЯТЬ**.

2. Бурякина Петра за присвоение конфискованных у Коляды вещей, принадлежащих отряду, за сон на посту во время дневальства **РАССТРЕЛЯТЬ**. При повторении случаев в нарушении дисциплины приказ привести в исполнение.

Настоящий приказ довести до всего личного состава отряда.
Командир отряда (подпись: Храпко)

Комиссар отряда (подпись) Голодов

Начальник штаба (подпись) Сыроквашин

Итак, Григория Медяника расстреляли. И Пётр Бурякин видел расстрел своего товарища. Об условности приговора ему самому стало известно лишь в последнюю минуту. И эта минута, быть может, дала больший воспитательный эффект, чем настоящий расстрел. Те, кто стоял в строю, сопереживая своему товарищу, как бы примеривали на себе тяжелую кару.

ХОДИЛИ НА «ЖЕЛЕЗКУ»

Войска и танки врага на поле боя – сила! Но в железнодорожных эшелонах они беззащитны – их можно уничтожить, устроив крушение и разгром состава.

Если засады и диверсии на автомобильных дорогах отрядом проводились недалеко от партизанской зоны, то до ближайшей железной дороги Бобруйск-Минск было около семидесяти километров. Почти такое же расстояние и до железной дороги Житковичи-Гомель. И туда надо «топать на своих двоих». Да ещё со взрывчаткой и оружием на плечах.

Спустить под откос эшелон – дело непростое, опасное. Лучше всего подкопаться под рельс, заложить взрывчатку – и,

отбежав на безопасное удаление, рвануть. Но где партизанам достать взрывчатку? Запас мин, оставшийся от Красной Армии, постепенно подошёл к концу. А немцы не хоте-

ли делиться своими запасами мин с партизанами, и понятно почему.

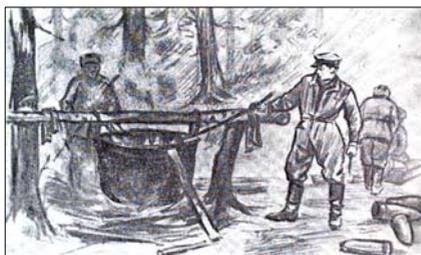
Голь на выдумки хитра. Отвинчивали гайки на стыке двух рельс, удаляли болты и скобы, освобождая рельс, отодвигали рельс на сантиметров десять в сторону, и эшелон шёл под откос. Или не удаляли болты на стыках, а ломом срывали скобы с двух-трёх соединённых рельс, рельсы отодвигали в сторону – ширина колеи увеличивалась, затем фиксировали рельсы на новом месте, и эшелон летел под откос.

Проще было на резких поворотах железнодорожной насыпи: под рельсом, проходящим по внешнему краю поворота, делался подкоп, шпалы зависали в воздухе; паровоз выезжал на подрывные рельсы и опрокидывался, увлекая за собой весь состав.

Все эти операции требовали времени и, кроме того, сопровождались скрежетом металла, что сразу же привлекало внимание охраны. И потому диверсанты часто попадали под огонь. (Оккупанты, стараясь парализовать диверсионную работу партизан, стали охранять свои коммуникации дотами и дзотами, минными полями, сигнальными заграждениями, вырубали леса в непосредственной близости от дорог.)

Всё же лучше подрыв! И изобретательские умы партизанских умельцев были направлены на создание собственных средств подрыва – различных самоделок.

В отряде Храпко из бывших сапёров создали две группы. Одна разыскивала снаряды и бомбы, свинчивала с них боеголовки и на подводах доставляла в лагерь. Другая – в трёхстах метрах от лагеря разжигала костер, на подставках устанавливала котёл с водой, затем в кипящую воду опускала снаряд или бомбу. Потом, когда тротил превращался в жидкую массу, воду из ванны выпускали, а массу выливали в специальные формы – получались толовые пашки, самодельные заряды, по силе взрыва не уступающие настоящему толу. Правда, при этом рисковали жизнью.

Под откос вражеские эшелоны пускала специальная *диверсионно-подрывная группа* во главе с комсомольским вожаком Алексеем Харламовым и Владимиром Шпрыговым – опытными армейцами-десантниками.

Вот перечень (неполный) диверсий на железной дороге за полгода в 1942-ом.

- 21.04 – спущен под откос мотовоз;
- 6.05 – эшелон с техникой;
- 10.06 – эшелон с 50 автомобилями и цистерной с горючим;
- 26.06 – эшелон с неустановленным военным грузом;
- 17.07 – эшелон с воинским грузом;
- 14.08 – эшелон (паровоз + 10 платформ с автомашинами и 30 вагонов с живой силой);
- 1.09 – два эшелона: один с боеприпасами, другой – с ранеными, ехавшими с фронта;
- 11.09 – эшелон в 53 вагона с живой силой + 8 платформ с автомашинами;
- 22.09 – эшелон в 13 платформ с автомашинами, 2 цистерны с горючим;
- 6.11. – эшелон с лесоматериалами и продуктами.

Приведу краткое описание двух диверсий, проведенных группой Шпрыгова.

Август 1942 г. Подрывная группа Шпрыгова⁶ подошла к станции Татарка часов в 7 вечера. Сначала разведали размещение дзотов охраны и состав патруля, ходящего по полотну, затем – наметили место для закладки мины.

В 12 часов ночи, расставив боковую охрану, Шпрыгов с Дроздовым подползли к железной дороге, ждут подхода поезда. Два раза по полотну, туда и обратно, проходили охранники (по два человека).

Услыдав нарастающий шум железнодорожного состава, выползают на полотно, быстро закладывают мину, вставляют в неё капсюль, маскируют шнур и отползают на сотню метров.

Впереди паровоза 4 платформы с песком. Их пропускают, и как только последняя платформа прошла, Дроздов резко дергает шнур. Пламя. Взрыв. Паровоз немного приподнимается вверх и тут же сваливается под откос, увлекая за собой вагоны.

Немцы открывают сильный огонь по опушке леса. Но партизаны уже вне зоны обстрела.

Через несколько дней связной Василий Чайков сообщил: *подорваны паровоз, 6 вагонов с боеприпасами, 2 платформы с танками и 9 цистерн с горючим.*

Октябрь 1942 г. Перед заходом солнца группа была на расстоянии около полутора километров от станции Мирадино. Наблюдением установили, что левее, недалеко от железной дороги, немцы устроили засаду. Правее – станция.

Шпрыгов решил держаться станции – в трёхстах метрах от переезда. У переезда будка охраны, там шесть охранников. Так что группа подрыва оказалась между засадой и охраняемым переездом.

Стемнело. Шпрыгов распределил людей: слева, со стороны немецкой засады, оставил четверых, справа – одного. А сам с Дроздовым подполз поближе к железнодорожному полотну, лежат, ждут. Вот совсем рядом, в четырёх метрах, встретились немецкие патрули: постояли, переговариваются, но не расходятся.

Второй эшелон проходит, а патрули стоят на месте, как если бы знали, что партизаны лежат рядом.

⁶ Состав группы Шпрыгова: Дмитрий Дроздов, Александр Храпко, Никита Храпко, Иван Жлобич, Дмитрий Раков, Давид Чирадзе.

Уже различались звуки третьего состава, как патрули разошлись и скрылись из виду.

Два прыжка, и Шпрыгов с Дроздовым закладывают мину, маскируют шнур и отползают от полотна.

«Наши нервы были напряжены до предела: сработала бы мина! – вспоминал через много лет ветеран-партизан Дмитрий Васильевич Дроздов. – Закрутил на руку шнур и вдруг вижу: впереди паровоза две платформы с песком; пропускаю их и изо всех сил дергаю шнур... Под откос полетел паровоз и за ним 22 вагона с живой силой.

Но и нам пришлось туго. Из засады и со стороны переезда в нашу сторону немцы повели огонь. Мы не могли поднять головы. В это время наша боковая охрана открыла по немцам отвлекающий огонь, и, когда те перенесли огонь с нашего участка, мы короткими перебежками достигли опушки леса. Это 200 метров, но нам казалось два километра. Вскоре к нам присоединилась и наша боковая охрана. Вся группа благополучно вернулась в отряд».

БОЙ У РИМОВЦОВ

4-го ноября 1942 года группа Никиты Храпко из восьми человек, возвращаясь из разведывательного поиска, в районе стеклозавода посёлка Глуша, у деревни Римовцы – на «римовецких посёлках» – нарвалась на засаду.

Более трёх часов шёл бой. На предложение сдаться партизаны отвечали огнём. А когда патроны были на исходе, Никита повёл бойцов на прорыв.

Уничтожив четверых немцев и одного полицая, партизаны вырвались из окружения. Но на поле боя остались Никита Храпко и Павел Макейчик.

Трупы Никиты Храпко и Павла Макейчика немцы подобрали и привезли в Глушу. Согнали население посёлка, и на глазах у людей стали всячески глумиться над трупами. Присутствовавшая при этом подпольщица фельдшер Анна Митрофановна Адамович в сердцах проговорила: *«Вот бедненькие дети. Каково матерям!»* В толпе был и «живой» партизан, он передал эти слова Кучугуре, руководившему в отряде разведкой, и тот при первой же встрече отчитал подпольщицу:

– Если вы благоволите к партизанам, то на вас падёт подозрение. Надо же иметь выдержку и напускную жестокость, хотя бы на словах.

Труп Никиты Храпко немцы выдавали за командира отряда Николая Храпко, а его кубанку, с красной ленточкой, выставили в Бобруйске на всеобщее обозрение, сопроводив надписью: это шапка известного «бандита» *Николая Храпко*, ему и его «банде» капут!

Именной автомат Никиты Храпко достался полицаяу Гужикову, он еще поплатится своей жизнью за такую честь.

ПРАЗДНИЧНЫЙ ПРИКАЗ

Я не решился привести этот приказ в сокращении. Читателю обязательно следует внимательно его прочесть полностью. Ибо в нём слышно то время. Дух времени.

Приказ № 15 По гарнизону Красно-партизанских отрядов 6.11.42 года

25-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции народы Советского Союза встречают в огне и буре отечественной войны против гитлеровских разбойников, в которой решаются судьбы нашей отчизны.

Одна мысль владеет сознанием советских людей, одна страсть пылает в их сердцах – освободить родину от немецко-фашистских захватчиков, защитить завоевание нашей революции. Разгромить подлого и жестокого врага!

25 год тому назад величайшая революция всех времен и народов вырвала нашу страну из-под железной пяты империализма и раскрыла перед ней безбрежный простор свободного и счастливого развития, как гранитный утес высится Советский Союз – надежный оплот мирного труда и мирного сожительства народов. Советский строй, рожденный в пороховом дыму Октябрьских боев 1917 года, развеял могучие силы народных масс, разбудил к жизни неиссякаемые источники энергий, способностей и дарований, лежавшие под спудом на протяжении веков.

Под руководством партии Ленина-Сталина советский народ создал могучую социалистическую индустрию и передовое сельское хозяйство. Социалистическая система хозяйства является прочной основой военной мощи советского государства.

Гитлеровцы напали на СССР, чтобы растоптать своими сапогами свободу, независимость, честь нашей родины, залить кровью наши очаги, поселить безысходное горе в нашем доме, превратить свобододолюбивый советский народ в своих коварных рабов.

Героическая Красная Армия в обороне Сталинграда нанесла немцам самое большое поражение после их зимнего разгрома под Москвой.

Красная Армия стойко защищает каждую пядь родной земли, уничтожает немецко-фашистскую нечисть, истребляет живую силу и технику врага, очищает родную землю от немецко-фашистских захватчиков, беспощадно мстит гитлеровским мерзавцам за разграбление и разорение наших народов и сел, за насилие над женщинами и детьми, за смерть советских людей: Кровь за кровь! Смерть за смерть!

Товарищи партизаны и партизанки! Наши братья и сестры, старики и дети, временно попавшие под немецко-фашистское иго, испытывая суровые зверства гитлеровских захватчиков, обращают свое внимание и выражают чувство глубокой любви к славным народным мстителям, партизанам и партизанкам.

Советский народ призывает нас беспощадно истреблять немецких захватчиков, разрушать тылы врага, с каждым днем усиливать удары по врагу.

Ознаменуем 25-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции новыми успехами в наших отрядах для окончательного разгрома немецко-фашистских захватчиков.

1. Необходимо с новой силой поднять дисциплину среди красных партизан, предъявляя требовательность к себе и своему товарищу.
2. Усилить бдительность и разведку в окружающей нас местности.
3. Каждое приказание и поручение выполняется только в срок.
4. Беспощадно уничтожать немецко-фашистских захватчиков и их ставленников. Не считаясь с трудностями, будем вести борьбу до полного уничтожения немецко-фашистских захватчиков.

Да здравствует 25-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции.

ПРИКАЗЫВАЮ:

В честь 25-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции бойцам, командирам и политработникам партизанских отрядов объявляю благодарность:

1. Командиру 1-го взвода т. Митялину, бойцам: Ляпину, Станилевичу, Зайцеву, Филипповичу и Харламову.
2. Бойцам 2-го взвода: Сталине, Федюку, Калюнову, Вышковскому, Перельгину, Дыбенко.
3. Командиру 3-го взвода т. Щербичу, бойцам: Тасминскому, Тарасевичу, Макейчику Павлу, Макейчику Ивану, Крюку Ивану, Варивончику, Гадымову.
4. Командиру 4-го взвода т. Кучугуру, бойцам: Шпрыгову, Крюку Михаилу, Храпко Никите, Дедюле, Дроздову, Хвалецкому, Кухто, Крюку Родиону, Зайчику, Масюк Марии.

5. Бойцам взвода разведки: Шуеву, Гутковскому, Петрову.

6. Снимаю взыскания, ранее полученные бойцами и командирами: условный расстрел с командира 2-го взвода Царика и бойца 3-го взвода Бурякина.⁷...

Командир отряда (подпись) Храпко

Комиссар отряда (нет подписи)

Начальник штаба (подпись) Сыроквашин⁸

ТРАГЕДИЯ В СЛОБОДКЕ

В представлении оккупантов, местные жители не должны участвовать в боевых действиях против регулярных войск. Против армии должна сражаться только армия. И никак не население! Иначе это «бандиты».

В ноябре 1942 года в немецкие войска поступило «Боевое наставление по борьбе с партизанским движением на Востоке». Там есть такие строки:

«Цель борьбы с партизанскими отрядами есть не вытеснение их, а уничтожение... Операции эти требуют довольно крупных сил и только тогда обещают успех, когда наступление будет концентрическим и внезапным для противника. При проведении таких операций оцепляется весь район действий и противнику отрезаются все пути отхода...»

Все пойманные в результате боя партизаны и гражданские лица (включая и женщин) должны быть расстреляны или повешены...

Лица, предоставляющие партизанам убежище или продовольствие, или знающие, но скрывающие местонахождение партизан, или вообще оказывающие им какую-либо поддержку, подлежат расстрелу...»

Вообще-то директивы и наставления «с потолка» не пишут. В них закрепляется уже приобретенный опыт. Ведь именно так, как предписано директивой конца 1942 г., враг поступал уже в июле 1941 г.

1-го декабря 1942 в восемь часов вечера в хату Болбасов постучался сосед Максим Михлюк. Вошел, плюхнулся на скамью. В хате был один Максим Болбас.

– Ты, я вижу, встревожен. Случилось что-то? – спросил Максим Болбас своего тёзку.

– Понимаешь, иду домой, и тут меня осветили фонарём полицаи, среди них Чирей, он теперь начальник Бобруйской

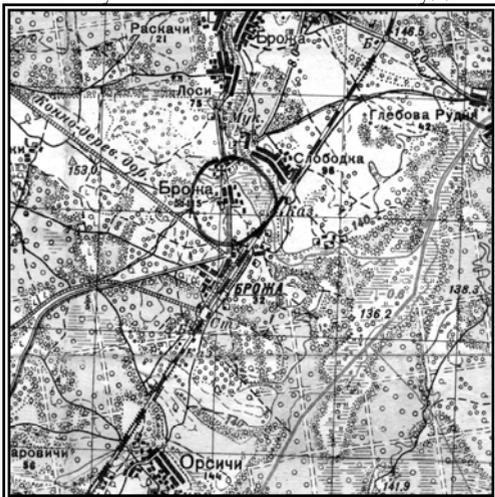
⁷ Вот так! «Расстрела» не избежал даже будущий командир отряда Максим Кириллович Царик. Выдано мною. – **А.Т.**

⁸ НАРБ, ф.1405, оп. 1, д.276, л.3-5.

районной полиции. Подошел ко мне Чирей и говорит: «Топай домой, готовь угощение. Приду в гости! Да не жадничай».

Но дело не в угощении. Накормлю я эту скотину. А вот только я подозреваю, что Чирей хочет организовать здесь полицейский участок и теперь будет сватать меня в полицию. А как отказаться, чтобы не будить в нем зверя, ума не приложу.

– А может тебе пойти в полицию, – вдруг мелькнула мысль у Максима Болбаса. – Будешь вовремя сообщать о предстоящих засадах и арестах.

– Нет, такая судьба меня не устраивает. Да и свои же могут убить как предателя. Вижу только один выход – податься в партизаны...

Через час к Максиму Михлюку заявился незванный гость – сам «господин полицейский начальник» Чирей, до войны известный пьяница-тракторист. Пришел не

один, а с полубовницей.

Выпивает. Но вот вспомнил гость, зачем пришёл.

– Немцы мне приказали создать в Слободке полицейский участок, и быть тебе Максим полицейским. Скоро мы покончим с «бандитами»: у них есть наш человек, и мы всё о них знаем. Так что недолго жить им осталось на свете.

А в это время Максим Болбас с младшей сестрой Аней корпели над составлением листовки с призывом саботировать намерение немецких властей создать в Слободке полицейский участок.

В окно кто-то тихо постучал.

Максим вышел. Оказалось, пришла сестра Мария.

– Осторожно, Маруся! – в Слободке Чирей со своими полициями. Сам Чирей сейчас в хате Максима Михлюка, с девкой пьянствует. Ну, входи.

Но Мария не вошла, а, шепнув «Я сейчас», бесшумно исчезла за хатой.

Через несколько минут Мария ввела в хату Василия Щербича с группой партизан.

Выслушав рассказ Максима об обстановке в деревне, о Чирее, Щербич сказал своим спутникам:

– Хлопцы, будем брать этого бандюгу живвём!

В темноте группа Щербича подошла к хате Михлюка. Четверо стали у окон, а Щербич с Гузовым и Пелагейко бесшумно вошли в сени. Прислушались...

Чирей пьяным голосом тянул песню...

Дверь в хату распахнулась, и к Чирею быстрыми шагами подошли Щербич, Гузов и Пелагейко.

– Руки вверх, прихвостень немецкий! – скомандовал Щербич.

Чирей бросился к автомату, что лежал рядом, на лавке. Пелагейко тут же дважды выстрелил в полиция из пистолета, и тот рухнул на пол.

Щербич сердито взглянул на Пелагейко:

– Эх! Что ты, Виктор, натворил! Ведь я предупреждал: нам он нужен живым.

Девушка Чирея заколотилась мелкой дрожью:

– Не убивайте меня! Он силой заставил меня жить с ним...

– Хватит бесноваться, дурёха! – прикрикнул на нее Щербич. – Пойдешь с нами... Тебе, Михлюк, тоже надо уходить отсюда.

Максим Михлюк тут же рассказал Щербичу, что Чирей похвалялся каким-то «своим» человеком у партизан...

Максим Болбас стоял посередине хаты перед матерью. Только что состоялся очень тяжёлый разговор: дети просили мать уйти с ними в партизаны.

Марфа Максимовна не хочет уходить.

– Детки мои, ну куда уж мне идти из хаты. Я уже стара, никуда и не гожусь. Хорошие вы мои, оставьте меня здесь. Спасайтесь сами. А я буду молиться перед богом за вас.

Максим, Мария и Аня вышли на улицу. Здесь к ним присоединилась жена Максима Михлюка с ребенком на руках:

– Чего ждем? Надо быстрее уходить! – с дрожью в голосе проговорила женщина.

– Максим, Мария, – решила высказаться Аня. – Давайте поступим так. Вы идите к партизанам, а я пойду в Вишнёвку к родичам, переночую у них, а там посмотрим: может, немцам будет не до Чирея, и всё сойдет...

На другом конце деревни пьяные голоса горланили песни, и дважды кто-то выстрелил из винтовки.

Группа Щербича, Михлюки с ребенком, Мария и Максим Болбасы пошли в темень ночи. Свирепый декабрьский ветер валил с ног, забивал дыхание.

За деревней Щербич сказал незадачливой любовнице Чирея:

– Иди-ка на все четыре стороны. Да держи язык за зубами. Иначе...

Утром, 2-го декабря, полицаи обнаружили труп Чирея, сообщили в Бобруйск, и оттуда нагрянул взвод карателей под командованием обер-лейтенанта. Слободку окружили.

Искали Марию Пасько, хозяйку дома, где был убит Чирей. Не нашли.

Тогда схватили Марфу Максимовну Болбас. Требовали сказать, кто был в хате Михлюка, когда убили Чирея.

К допросу подключился и начальник брожской полиции Шах. Но женщина «ничего не знала и ничего не видела». Её били, пока не потеряла сознание. Вылили на лицо ведро холодной воды... И снова били...

– Подлец и негодяй ты, Шах! – только и кричала она. – Как только земля тебя носит. Дерьмо ты, а не человек! Тьфу!..

Не добившись признания от Марфы Максимовны, каратели согноли жителей Слободки на колхозный ток. Стали строчить по верху голов из автоматов. Старики, женщины и дети бросались в разные стороны, падали, поднимались, плакали, кричали.

А каратели строчили и хохотали. Застрелили пятнадцатилетнего паренька Аркадия Юношева, брат которого, Александр, как было известно полиции, был партизаном отряда Швайкава.

После этих издевательств над жителями Слободки офицер приказал арестовать родственников Марфы Максимовны Болбас: Марию Максимовну Ананкевич, Филиппа и Федору

Михлюков, Акима Пасько с женой и дочерью, Николая Ивановича Болбаса с женой и малолетними детьми. Их привели в хату Михлюка, где был убит Чирей, и там три дня садистски издевались над ними. А затем, без одежды и босиком в сильный мороз водили их по деревне, били кожаным бичом.

На четвертый день, 5-го декабря 1943, из Вишнёвки привезли избитую до полусмерти восемнадцатилетнюю Аню Болбас. Девушку невозможно было узнать.

Офицер подошел к Ане и подчеркнуто вежливо спросил:

– Надеюсь, фройлен обо всём расскажет...

– Зря стараешься, свинья! Или, как это, по-вашему, швайн!

– Буду стрелять!

– Стреляй, фашист проклятый! Все равно всех не перестреляешь.

Утром 6-го декабря 1943 каратели выгнали сельчан на улицу, сгрудили возле кладбища. Вскоре привели на казнь арестованных. Избитую же до потери сознания Марфу Максимовну оставили в хате, подперев наружную дверь жердью. Хату обложили соломой и подожгли...

Порошил легкий снежок.

Перед толпой выставили изувеченных и окровавленных Марию Ананкевич, Филиппа и Федору Михлюков, Акима Пасько с женой и дочерью, Николая Болбаса с женой и детьми.

Николай Болбас прижимал к своей груди пятилетнего сынишку.

– Папа, дяди будут убивать нас? – спросил малыш.

– Что ты, дитяtko?! Они скоро отпустят нас. Не смотри на них, закрой глазки. – По щеке отца поползла слеза...

Мария Максимовна Ананкевич, младшая сестра матери Марии Болбас, сначала просила: «Паночки, у меня же пятеро дитяток, все малые. Что же вы делаете?» А когда её прикладом подтолкнули в строй обреченных, крикнула: «Люди, добрые, простите, если что не так!» и кланялась, кланялась толпе. Затем, повернувшись лицом к врагам, крикнула: «Будьте вы прокляты, изверги рода человеческого!»

Аня Болбас увидела: родная хата – а там мама! – догорала. «Ой, мама, сгорить! Спасайся!»

– Не плачьте, люди! Не падайте духом! Наши придут...– ещё успела крикнуть Аня.

Обер-лейтенант вскинул парабеллум и почти в упор выстрелил в девушку.

– Прощайте, сиротки мои! – крикнула своим детям Мария Максимовна Ананкевич.

Офицер взмахнул рукой. Автоматные очереди прошили арестованных.

Филипп и Федора Михлюки, как стояли, крепко взявшись за руки, так и упали. (Так их люди потом и похоронили – не смогли расцепить.)

Николай Болбас, срезанный пулей, раскинул руки, выпустил синишку. Малыш с плачем побежал к сельчанам. Навстречу ему бросился солдат и прикладом автомата со всего размаха нанес ребенку удар по голове. Ребенок замертво упал убийце под ноги.⁹

Испуганная толпа взревела от ужаса, затем сделала шаг,

готовая броситься на офицера, растерзать палача.

Солдаты вскинули автоматы и стали строчить поверх голов. Люди замерли. Офицер надменно

рассмеялся.

В тот же день, 6-го декабря, в десять часов вечера вышла на крыльцо своей хаты Анна Коршак, соседка Марфы Максимовны. Анна с болью в сердце посмотрела в сторону сожжённой вместе с хозяйкой хаты. Тихо. Сильный запах гари.

И вдруг Анна услышала слабый стон. Или это ей показалось?!

Стон повторился, и теперь Анна поняла, что он исходил из погреба, что рядом с пепелищем.

⁹ Как впоследствии вспоминали люди той «толпы», сами немцы лишь командовали, исполняли же всю экзекуцию «добровольцы» и полицай. Ведь в немецко-полицейских гарнизонах на самом деле было по 5, 10, максимум 20 немцев, а остальные – 20, 50, 100, а то и 200 – все были «свои», местные, полицай.

Набравшись смелости, Анна подошла к погребу, прислушалась. Хотя то был только стон, но узнала: Марфа Максимовна! Стон повторился. Анна спустилась в погреб, нащупала и неимоверными усилиями вытащила соседку. Внесла в хату, стала приводить в чувство.

Марфа Максимовна от сильного потрясения была вся седой и в глубоких морщинах.

– Где это я?

– У меня, Марфуша, – ответила Анна.

– Немцы еще в Слободке?

– Нет. Ушли изверги.

– Что с арестованными?

– Их всех расстреляли у кладбища.

– Ой, какая я глупая старуха. Ну почему я не послушалась детей. И вот я погубила всю родню. Лучше бы я сгорела...

– Крепись, Марфуша! Как ты выбралась из горящего дома? Ведь все думают, что ты сгорела вместе с хатой.

На третий день после трагедии Мария и Максим глубокой ночью подобралась к хате своей соседки, Анны Коршак. Они должны были знать о подробностях трагедии! О гибели матери и родных, сельчан...

Мария постучала в окно. С минуту никто не отвечал. Но вот за дверями встревоженный голос спросил: «Кто там?»

– Откройте, тётя, это я – Мария.

Анна отодвинула щеколду, и в хату вошла Мария и за ней Максим.

– Боже мой! Как я напугалась! Думала, полицаи. Заходите, – и тут же радостным голосом крикнула: – Не бойся, Марфуша, это пришли дети твои – Мария и Максим!

Успокоившись, мать рассказала сыну и дочери обо всем, что с ней произошло. Находясь в шоке в пылающей хате, Марфа Максимовна, как ей показалось, услышала голос дочери Аннушки: «Вставай, мама, – сгоришь!» Открыла глаза. С крыши падали пылающие обломки досок, из окон валил густой дым: едкий, удушливый, он растянулся по хате, трещали и готовы были вот-вот обвалиться балки. Собрала последние силы и навалилась на дверь, но та не поддавалась. Вдруг услышала треск выбиваемого оконного стекла. Повернула голову на этот звук и увидела полицая Чебурянина: это он выбил раму и влез в хату. Подхватив женщину, Чебурянин через окно передал её другому

полицая – Алексею Болбасу. Тот набросил на неё свой полушубок и, крадучись, занёс в погреб.

– Да никакие они не полицай, – глубоко вздохнула Марфа Максимовна. – В полицию их загнали силком, под страхом смерти. Они не сделались иродами. Когда Аннушка была арестована, он, Чебурынин, мне сказал, что её выдал Артем Пасько.

В ту же ночь к хате Анны Коршак подъехали сани из отряда Храпко. Бойцы Савелий Тарасов и Иван Ледян завернули Марфу Максимовну в тулуп и умчали в Крюковщину – к Максиму и Марии, они теперь партизаны.

НАПАДЕНИЕ НА БРОЖСКИЙ ГАРНИЗОН

Трагедия в Слободке взбудоражила отряд – и командование, и рядовых бойцов.

– Михаил Сергеевич, можем ли мы своими силами разгромить брожский гарнизон? – спросил Храпко командира взвода разведки Линчука. – За Слободку надо отомстить.

– Можем, командир! – ответил тот. – Гарнизон не слишком большой. Разгромив это осиное гнездо, мы бы расширили и обезопасили зону своих действий.

– Одному отряду не под силу будет этого сделать, – заметил Сырковашин.

– Почему?

– Гарнизон хорошо вооружён и сильно укреплён – это во-первых. Во-вторых, рядом, в Язвинцах, Орсичах и Протасах, стоят гарнизоны. Они смогут быстро подойти на помощь. И, наконец, в-третьих, совсем рядом Бобруйск, оттуда немцы в любое время могут прислать подкрепление этим гарнизонам. Более того, мы наступаем – они обороняются. Известно, что у наступающих всегда большие потери.

– Ну, и что, по твоему мнению, Сергей Васильевич, мы можем сделать? Что предлагаешь? – спросил Голодов.

– Надо договориться со Швяяковым и Сезиком¹⁰, чтобы их отряды приняли участие в этой операции. Мы выставим

¹⁰ 13 сентября 1942 г. из отряда Швяякова была выделена инициативная группа Матвея Сезика в 13 человек. Вокруг этой группы объединились бывшие подпольщики и местные жители из деревень Чикили, Козловичи, Степановка и Гороховка. И появился новый партизанский отряд – «отряд Митьки» (командир – М.П. Сезик, комиссар – П.И. Панкратов, начальник штаба – В.В. Маницын).

крепкие заслоны со стороны гарнизонов. Клуб, где размещаются немцы, окружим и возьмем штурмом...

Храпко с минуту помолчал, а потом сказал:

– С твоими, Сергей Васильевич, доводами нельзя не согласиться. Но я уверен: мы сможем добиться успеха собственными силами. Никаких заслонов и засад не будем делать, а навалимся всем отрядом, поседем панику и уничтожим. «Быстрота и натиск!» – так, что ли, Суворов говорил? В общем, наступление назначаю на послезавтра. Позиции займем к исходу ночи. Начало атаки на рассвете по сигналу красной ракеты. Сегодня же пошлём туда разведку: может там, в гарнизоне, что-нибудь изменилось.

В разведку в Брожу отправились Сергей Засухин и Иван Петров. Шли парни по лесным проселкам. Глухо шуршал под подошвами снег.

Иван мурлыкал себе под нос: «Там, вдали за рекой...».

Сергей же был чем-то сильно обеспокоен. Иногда на вопросы товарища отвечал невпопад.

Ночью разведчики подошли к Броже.

– Подожди-ка меня здесь, за сараем, – сказал Сергей Ивану, – я скоро вернусь, кое-что разузнаю.

Вернулся Засухин действительно скоро.

– Всё в порядке. Пошли.

Затем разведчики зашли к связному Ануфриенко, который работал на железнодорожной ветке Бобруйск – Брожа. От него узнали: в гарнизоне не менее ста гитлеровцев и тридцать полицаев; на вооружении у них два миномета, три станковых и шесть ручных пулемётов, много автоматов; часовые стоят возле казармы, патрулей нет.

– Но вот где размещена всё эта «вооружение», неизвестно, – развел руками Ануфриенко.

Засухин и Петров доложили Храпко свежие сведения о противнике, и командир стал готовить отряд к выходу.

Поздним вечером 7-го декабря отряд выступил в поход. Северный ветер дул в спину. Он заползал под одежду, и становилось холодно. Но бойцы, казалось, холода не замечали. Предчувствие боя, возбуждая, лишь разогревало их.

В шесть часов утра – а была ещё кромешная тьма – партизаны подошли к поселку Брожа, заняли исходные позиции и стали ждать рассвета.

Светаёт. Уже видна цель: казарма, что стоит на отшибе.

Партизаны изготовились к броску, и как только в небе взвилась красная ракета, с криком «ура!» бросились на штурм.

Но, оказалось, наступление для противника не было неожиданным. Внезапным огнем с разных направлений он заставил партизан залечь. Эту изначальную готовность гарнизона к нападению партизан отметили про себя не только командир, комиссар и начальник штаба, но и многие опытные партизаны. Мысли сами собой вертелись вокруг идеи предательства.

Особенно интенсивную стрельбу вёл крупнокалиберный пулемёт из дзота. Опрокинулся навзничь и не подаёт признаков жизни Иван Лось.

К дзоту пополз Борис Корн. Используя складки местности, Борис добрался до ограждения из колючей проволоки, за которым в метрах двадцати находился дзот, порывисто вскочил и швырнул гранату к амбразуре дзота... но промахнулся. Граната разорвалась, не причинив никакого вреда пулемётчику, который тут же короткой очередью, скошил бойца.

Тогда, держа в вытянутой руке гранату, к дзоту пополз Иван Петров. Пулемётчик в дзоте заметил его, и пули стали взвизгивать у самой головы смельчака. Петров, еще плотнее прижимаясь к земле, продолжал упорно ползти. Держался мельчайших впадин, дабы быть вне видимости пулемётчика. Когда до изрыгающей огонь пасти оставалось метров сорок, Иван приподнялся на колени, повернулся к своим товарищам, словно что-то хотел сказать, но... выронил гранату из рук и лицом упал в снег.

Из-за угла постройки выскочили сани. Леонид Резников, стоя на коленях, нахлестывал кнутом коней. Рядом с ним Харламов. Сани резко остановились у Петрова.

Даже немцы прекратили стрельбу, озадаченные: что сие могло значить?! Не будут же партизаны вот так безрассудно мчаться навстречу своей смерти. Ошеломило это и партизан: ведь еще немного – и их товарищей немцы изрешетят.

Харламов быстро вскинул Петрова на сани и что есть силы закричал: «Гони!»

Резников развернул коней, и сани лихо помчались к посёлку, с каждой секундой уносясь всё дальше и дальше...

Спохватившись, немцы открыли пулемётно-минометный огонь. Но сани уже были за постройками.

– Фу ты, черт! – проговорил Харламов, вытирая пот со лба. – Даже в пот бросило. Кто-то из нас в рубашке родился.

– Лёша, не пойму, почему немцы сразу не стреляли? – пришел в себя Резников.

– Да видно ты им чем-то понравился, – изволил пошутить Харламов. – Честно говоря, и сам не пойму, как мы остались живы. А ты, Лёня, смелый! Ужель не страшно было?

– Да, на какое-то мгновение страх подкатился. Но тут же отошел, притушился, наверное?

Харламов слегка прикоснулся рукой ко лбу Петрова – горячий! Наклонившись, уловил легкое дыхание. Стал торопливо расстегивать ворот рубашки.

Иван открыл глаза, тихо прошептал:

– Алёша... Доживешь до Победы... в Москву, расскажи моим родным, как я...

– Ваня, ты сам расскажешь! – почему-то громко сказал Харламов.

– Нет... я уже не жилец, – Петров сделал глубокий выдох...

Немцы продолжали обстрел места, где залегли партизаны, но там их уже не было: они отошли в посёлок и, прячась за постройками, обстреливали казарму. И тогда всю силу своего огня немцы перенесли на посёлок.

Храпко понимал, что отряд потерял важное преимущество нападающих – внезапность. На правом фланге и в тылу слышались пулемётная и автоматная стрельба. «Если немцы начнут одновременную атаку в лоб и с флангов, то больших потерь не миновать», – размышлял Храпко. – «Надо отходить».

Немцы бросились преследовать отступавших партизан. Однако взвод Инюточкина (с ним шёл Сыровкашин), замыкавший колонну отряда, интенсивным огнём из пулемёта и винтовок заставил преследователей залечь.

На базу партизаны возвращались без того огонька в глазах, какой у них бывал после удачных операций.

Впереди на санях везли погибших: Ивана Петрова и Ивана Лося. (Бориса Корна подобрать не удалось – дзот так и остался неприступной огневой точкой.)¹¹

¹¹ Позже выяснилось, что Борис Корн был только ранен, захвачен полицией, подвергнут жестоким пыткам, и погиб, не сказав ни слова.

Храпко шагал за саними, вглядываясь в лица погибших. Сегодня ему было как никогда тяжело. Томила чувство вины перед погибшими, перед всем отрядом. Вспомнился годичной давности неприятный разговор с Балахоновым, когда был у того комиссаром. Тогда Балахонов настаивал разгромить брожский гарнизон, но он, Храпко, комиссар, не согласился с ним, Балахоновым, командиром: опасался, что отряд потеряет много людей, а гарнизон не будет разгромлен. И теперь вот нечто схожее, только с обратным знаком.

Отрядный контрразведчик Леонид Виноградов думал более определённо: *немцев кто-то предупредил*. Два дня назад о том, что немцы имеют в отряде своего человека, ему стало известно от брожских подпольщиков, и вот – этот странный бой! Когда инициатива оказалась не у наступающей, а у обороняющейся стороны... В Бобруйске есть школа по подготовке шпионов и диверсантов. Неужели из этих отщепенцев кто-нибудь пробрался в отряд?! Или... Или немцам удалось завербовать кого-то из отряда?

Своим опасением Виноградов поделился с командиром. Храпко лишь глубоко вздохнул: «Этого ещё нам не хватало».

*

К концу декабря 1942 г. отряд Храпко насчитывал 196 человек. На вооружении 3 танковых и 6 ручных пулемётов, 150 винтовок.

